

Текст | Александр ПОЛЯНСКИЙ
 Фото | Александр ДАНИЛЮШИН, Иван КУРИННОЙ

Георгий ГЕНС:

**отказ от НДС –
 принципиальный вопрос
 экономического развития**

Около полутора лет тому назад Экспертное управление президента РФ начало дискуссию о замене 18-процентного налога на добавленную стоимость 10-процентным налогом с продаж, который, по расчетам кремлевских экономистов, должен полностью заместить бюджетные доходы от НДС, облегчив налоговое бремя для обрабатывающих отраслей. Президент компании «ЛАНИТ» Георгий Генс, последовательный противник НДС, уже выступал на страницах нашего журнала с поддержкой этой инициативы. Приоритетные национальные проекты и масштабные программы господдержки предоставили ему для этого дополнительные аргументы.

Георгий Владимирович Генс – руководитель одной из крупнейших многопрофильных IT-корпораций на территории России и СНГ, то есть практик бизнеса. И одновременно университетский экономист – выпускник экономического факультета МГУ, кандидат экономических наук, в прошлом научный сотрудник. Поэтому его взгляд на проблемы экономического развития сочетает научный анализ и знание практических механизмов работы бизнеса.

Страж сырьевой экономики

— Георгий Владимирович, не изменилась ли ваша точка зрения на НДС за период обсуждения этой проблемы?

— Не только не изменилась — у меня усилилось убеждение, увеличилось количество аргументов в пользу того, что НДС нужно отменить, и как можно скорее.

Самый очевидный аргумент — НДС по самой своей идеологии не совместим с инновационной экономикой, о необходимости создания которой сегодня говорит президент. Ведь предметом обложения является добавленная стоимость, а в ее «добавлении» и состоит экономический смысл глубокой переработки, высокотехнологичного производства.

Чем более высокотехнологичный товар мы рассматриваем, тем большую добавленную стоимость он содержит. И тем больше НДС, начисляемый при каждом переходе от одного собственника продукции к другому. Этот налог — страж сырьевой ориентации экономики, он стимулирует продажу продукции с минимумом переработки.

Вообще, НДС, как известно, европейское изобретение: он призван бороться с пере-

производством в несырьевых экономиках и обеспечивать стабильность бюджета социально ориентированных государств. Но даже в Европе сегодня очень многие задумываются, не является ли он одной из причин низкой динамики, низких темпов роста их экономики, не ставит ли этот налог Евросоюз в заведомо более проигрышное положение по сравнению с экономикой США, где НДС нет.

Там есть налог с продаж, который платится не при каждом переходе от собственника к собственнику, а только при приобретении товара или услуги конечным потребителем, — именно такой налог и предложило ввести Экспертное управление. В Америке очень большие проблемы с государственным бюджетом, с различными финансовыми «пузырями», но там нет проблем с предпринимательским климатом и объемом собственных средств, которые остаются у компаний.

Ни одно из крупных нефтедобывающих государств, кроме подавляющей европейской моде Норвегии, не вводило у себя НДС. Его нет ни в Саудовской Аравии, ни в Эмиратах, ни в Кувейте, ни в Венесуэле — нигде... Именно потому, что эти страны борются со своей сырьевой ориентацией, стремятся — и добились в этом успехов — создавать другие точки опоры для большей стабильности экономики. А не Стабилизационный фонд, как мы.

Пример такого фонда наши реформаторы подсмотрели в Норвегии. Но Норвегия никогда не была страной с энергетической доминантой, как мы еще некоторое время тому назад. Ей нужно было ограничивать перепроизводство в перерабатывающей промышленности, что позволяет делать НДС. По той же причине, кстати, НДС существует в КНР.

Фонд будущих поколений возник в Норвегии потому, что деньги попросту уже некуда девать: дороги и инфраструктура доведены до совершенства, социальные проблемы в основном решены. Это государство, как вы знаете, даже отказалось вступать в Евросоюз: социальные и экономические условия в нем на порядок выше, чем в ЕС. А кроме того, это маленькая страна, возможности создать многогранную диверсифицированную экономику там объективно ограничены, так что «закапыванию» и хранению денег в данном случае, наверное, нет альтернативы.

Государства с сырьевой моноотраслевой структурой экономики обычно создают не стабилизационные или резервные фонды, а развивают отрасли — альтернативные точки опоры, которые могли бы сделать экономику более стабильной. В ОАЭ, например, туризм уже сегодня приносит больший доход, чем продажа нефти.

Мы не маленькая страна, у нас прекрасные возможности для диверсификации: оборонная промышленность, гражданское машиностроение, химическое и фармацевтическое производство, радиоэлектроника, многое другое не утрачено. Эти отрасли можно поднять, сделать конкурентоспособными на мировом уровне. Мы в состоянии предстать на мировом рынке

не только энергетической, но и технологической сверхдержавой, тем более что цены на продукцию высоких технологий стабильны, имеют стабильно-повышательную тенденцию. Опора на высокие технологии придаст реальную стабильность нашей экономике с точки зрения так называемых внешних шоков, связанных с падением цен на углеводороды на мировом рынке, которым нас постоянно пугают Минфин и МЭРТ.

Мы же не в безвоздушном пространстве. Мировой рынок весьма конкурентен. И большая часть этого рынка составляет все-таки не сырье, а товары и услуги для конечного потребителя.

Я абсолютно не верю в возможность падения цен на нефть в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Нас страшат этим, якобы резервируют средства в бюджете, а за это время цена барреля выросла с \$50 до \$100! Цены на нефть, которые закладывались в бюджет, в 2005 году составляли \$28 за баррель, в 2006-м — \$40, а в 2007-м — \$61. Реально же средние цены по годам были следующими: в 2005-м — \$51 за баррель, в 2006-м — \$61, в январе — октябре 2007-го — \$65,6. Таким образом, уровень ошибок в прогнозировании таков, что нужно говорить не о погрешностях, а о принципиально неверных предположениях, лежащих в основе прогнозирования.

Нам говорят: «Ну а что мы будем делать, если цена на нефть все же упадет?» А что мы будем делать, если на Россию упадет метеорит? Мы что, будем готовиться вообще к любым рискам? Нужно все-таки рационально оценивать вероятность событий, не защищаться от любых, даже маловероятных угроз.

В долгосрочной перспективе, конечно, существуют риски, касающиеся нефтегазовой отрасли, — постепенное уменьшение запасов углеводородного сырья или постепенное формирование новых технологий, которые уменьшат его потребление. Об этом нужно думать заранее — развивать десятки других отраслей. Тем более что очень важно обеспечить стране полноценное экономическое развитие, использование ее колоссального интеллектуального и предпринимательского потенциала.

Для того чтобы происходило такое развитие, государство должно кардинально поменять экономическую политику. Во-первых, оставлять как можно больше ресурсов в бизнесе. Во-вторых, применять экономические инструменты, в том числе налоги, для решения задач развития.

Вместо этого деньги уже несколько лет «складируются» в Стабилизационном фонде, а еще с некоторых пор с почти нулевой эффективностью используются для прямого госфинансирования.

— **То есть вы противник промышленной политики?**

— Нет, я горячий сторонник промышленной политики. Но рыночной промышленной политики, а не того, что сегодня зачастую называют этим термином — прямого государственного финансирования конкретных,

«Ни одно из крупных нефтедобывающих государств, кроме подавляющей европейской моде Норвегии, не вводило у себя НДС. Его нет ни в Саудовской Аравии, ни в Эмиратах, ни в Кувейте, ни в Венесуэле — нигде... Именно потому, что эти страны борются со своей сырьевой ориентацией, стремятся — и добились в этом успехов — создавать другие точки опоры для большей стабильности экономики. А не Стабилизационный фонд, как мы»

«Нам говорят: “Ну а что мы будем делать, если цена на нефть все же упадет?” А что мы будем делать, если на Россию упадет метеорит? Мы что, будем готовиться вообще к любым рискам? Нужно все-таки рационально оценивать вероятность событий, не защищаться от любых, даже маловероятных угроз»

«Сегодня чиновников на всех совещаниях ругают за то, что они не тратят выделенные государством деньги — а они не знают, на что их можно потратить, оставаясь в рамках целевого финансирования! Им говорят: “Тратьте хоть на что-то!”»

«Российские арбитражные суды буквально завалены делами по начислению и уплате НДС. Так, в Арбитражном суде города Москвы в 2006 году 80% от всех дел составили дела по возмещению НДС! При этом количество процессов гораздо больше, чем количество правовых споров, потому что налоговые и таможенные органы в соответствии со своими внутренними инструкциями обязательно подают апелляцию или кассацию, если решение принято не в их пользу»

случайным образом подобранных проектов и программ. Прямое госфинансирование стало, к сожалению, основным методом реализации приоритетных национальных проектов, других госпрограмм.

Проблема в том, что для такого финансирования у государства просто нет адекватных институтов. Суперпрофессиональные Госплан, Госснаб, Госкомцен, отраслевые министерства советского времени в начале 90-х годов были разгромлены и распущены. Информация, специалистов по современной российской социально-экономической системе нет, а государство пытается брать на себя почти те же функции, что и в советское время!

Сегодня чиновников на всех совещаниях ругают за то, что они не тратят выделенные государством деньги — а они не знают, на что их можно потратить, оставаясь в рамках целевого финансирования! Им говорят: «Тратьте хоть на что-то!»

Это механизм перераспределения доходов не для поддержки малообеспеченных слоев населения, а для разбазаривания денег. Прежде чем запускать прямое госфинансирование, нужно сформировать эффективные государственные институты, отладить их работу.

Адекватная промышленная политика — это гибкое реагирование на ситуацию с помощью различных экономических стимулов, прежде всего налогов. Самое первое, что мы должны сделать для создания механизмов долгосрочного развития, диверсификации нашей экономики, поддержки высокотехнологичного сектора, — заменить НДС налогом с продаж. Но Минфин этого панически боится, даже не хочет обсуждать такую возможность — якобы потому, что есть риск падения доходов бюджета.

Частные решения – новые проблемы

— А возможно ли в качестве первого шага отменить НДС только для некоторых высокотехнологичных отраслей, как предлагал несколько месяцев назад первый вице-премьер Сергей Иванов?

— Мне кажется, это половинчатое решение, которое к тому же создаст в экономике дополнительные искусственные барьеры. Ведь уже сегодня есть два крупных сектора, не платящих НДС: малый бизнес, работающий по «упрощенке», и кредитные организации.

Что касается малого бизнеса, то для него большой вопрос, что выгоднее — работать по упрощенной системе налогообложения, то есть платить налог с оборота, или работать по той же налоговой системе, что и большинство предприятий. Если, например, существует некое малое автотранспортное предприятие, которое мне оказывает услуги и не платит НДС, значит, я, заплатив НДС, не получу его к зачету.

Чтобы мне это было выгодно, цена услуги у такого предприятия должна быть не просто ниже, чем у конкурентов, но ниже с учетом 18% НДС! Этого очень тяжело добиться. По сути дела, малые фирмы, работающие по «упрощенке», вынуждены создавать отдельный

рынок, не соприкасающийся с рынком обычных компаний.

С не меньшими проблемами сталкиваются банки. Из-за того что они не платят НДС, а все остальные больше и средние компании и значительная часть малых платят, кредитные организации вынуждены практически полностью отказываться от аутсорсинга. Все специализированные структуры — в области информационных технологий, связи, безопасности, юридические, информационно-аналитические — создают «внутри себя» минимальный эффективный объем банковского бизнеса в России, что очень сильно увеличивает их затраты.

Для того чтобы нашей, например, компании обслуживать какой-то банк на условиях аутсорсинга, нам нужно уменьшить стоимость услуг на 18%! Я в состоянии обеспечить 10% за счет большей эффективности, 2—3% — за счет снижения накладных расходов, но в сумме это все равно меньше 18... Так что у меня нет шансов конкурировать с НДС.

Такая же, как с банками, сложится ситуация с предприятиями высокотехнологичного машиностроения. Если отменить НДС только для них, а не для всей экономики, скажем только для авиапрома и судостроения, соответствующие предприятия будут вынуждены отказываться от аутсорсинга и создавать все функциональные службы «внутри». Соответствующие услуги обойдутся им гораздо дороже, чем сейчас, произойдет серьезное увеличение их издержек.

Отдельная огромная проблема, связанная с НДС, — методика его начисления. Она сложна и очень неоднозначна, что приводит к целому валу налоговых споров и расцвету коррупции. Подобная ситуация, кстати, не только у нас в России — во всех странах мира, где есть этот налог. Но мы, конечно, впереди планеты всей по масштабам сложности и противоречий, как будто бы намеренно созданных для коррупции и бесконечных правовых споров.

Российские арбитражные суды буквально завалены делами по начислению и уплате НДС. Так, в Арбитражном суде города Москвы в 2006 году 80% от всех дел составили дела по возмещению НДС! При этом количество процессов гораздо больше, чем количество правовых споров, потому что налоговые и таможенные органы в соответствии со своими внутренними инструкциями обязательно подают апелляцию или кассацию, если решение принято не в их пользу. И со стороны компании, и со стороны государственного органа в разбирательстве задействуются серьезные ресурсы.

Не сумев решить проблему администрирования НДС, государственные органы не столько по закону, сколько по праву сильного поделались ответственностью за его взимание с бизнесом. Сегодня компании фактически несут ответственность за поставщиков, если они не уплатили НДС и другие налоги. При этом приходится или работать на доверии, или проверять партнеров с помощью служб экономической безопасности: никакой официальной

информации о налоговой чистоте в нашей стране, к сожалению, не существует.

Поскольку в нашу группу входит крупная украинская IT-компания, я знаю, что в Украине можно за небольшую сумму сделать запрос в налоговую инспекцию: все ли в порядке с партнером, выполняет ли он налоговые обязательства? За эту информацию налоговый орган несет ответственность. Более того, поставщики в случае крупных сделок, как правило, сами предоставляют выписку о дееспособности. Получение этой выписки обходится примерно в \$4 и занимает два часа. У нас этого нет и в помине. В Украине тоже есть НДС, но там хотя бы интерфейс со стороны налоговых органов постепенно формируется более дружелюбный. В России к этому, увы, не наблюдается даже тенденции.

Существует целая индустрия, обслуживающая минимизацию либо уход от НДС. При этом многие компании вынуждены использовать такие схемы, иначе они просто разорятся. После отмены НДС умрет целая отрасль нелегального обналачивания, автоматически прекратится «серый» импорт, так как исчезнет его экономическая основа.

— **Считается, что «серый» импорт связан с тем, что таможенный аппарат корумпирован донельзя?**

— Конечно. Что делать в этой ситуации? Продолжать тяжелую и почти безнадежную борьбу за чистоту рядов таможенных органов? Или все-таки отказаться от НДС на таможене? Но опять же, если мы отменим НДС только на таможене, это поставит внутреннего производителя, который будет продолжать платить налог, в неравное положение с импортером.

Я думаю, радикальные изменения на таможене произойдут тогда, когда ее функции максимально упростятся, не будут связаны ни с какими взиманиями и возвратами НДС. Финансовый инструмент у нее должен быть один — таможенная пошлина, взимаемая с ограниченного круга товаров, по отношению к которым мы хотим улучшить конкурентные преимущества наших производителей.

Если мы спустя более чем 15 лет существования НДС в нашей стране, после многократного совершенствования законодательства и подзаконных актов по его взиманию, используя целый ряд репрессивных механизмов, имеем такую картину уклонения и коррупции, значит, не все в порядке с самим налогом! Налоги для предпринимателя, конечно, в любом случае не сахар, хотя социально ответственный предприниматель понимает важность их уплаты. Но все же правильная налоговая система не должна в такой колоссальной степени нарушать экономические интересы бизнеса и противоречить здравому смыслу. Начав реформировать налоговую систему во время первого президентского срока Путина, мы бросили это дело на полпути.

НДС — налог, вокруг которого идет наибольшая борьба бизнеса и фискальных органов, что, мягко говоря, не способствует общественному

согласию. Он чрезвычайно негативно сказывается на бизнес-климате, индексе деловой активности. Именно благодаря НДС, а также высокому ЕСН сохраняются «схемы» в бизнесе, как я уже сказал, в качестве целых самостоятельных отраслей существуют обналачка и «серый» импорт.

Не менее важно и то, что на рынок труда придет огромная армия людей, обслуживающих сейчас уплату НДС. По моим оценкам, это где-то 1,6 млн человек, что почти вдвое превышает численность российских Вооруженных сил.

Сизифова армия

— **А как получена эта цифра?**

— Объясню. Мой коллега Борис Нуралиев, президент компании «1С», утверждает, что в народном хозяйстве работает 3 млн бухгалтеров, — он может судить об этом с высокой степенью точности по продажам своих бухгалтерских систем. Из этих 3 млн, по моим оценкам — оценкам руководителя, знающего работу не только собственной бухгалтерии, но и бухгалтерий автоматизируемых предприятий, 55—65% занимаются только НДС. Я инициировал проведение опроса десятков руководителей компаний. Средняя оценка была примерно 55%. Борис Нуралиев, впрочем, более осторожен: он говорит, что это свыше 50% бухгалтеров. Пусть так, но это означает, что 1,5 млн человек в бухгалтериях предприятий специализируются на НДС. По данным моих источников, порядка 100 тыс. человек в системах ФНС и ФТС занимаются налогом на добавленную стоимость.

А теперь давайте подсчитаем, какая часть экономически активного населения России

«Я думаю, радикальные изменения на таможене произойдут тогда, когда ее функции максимально упростятся, не будут связаны ни с какими взиманиями и возвратами НДС. Финансовый инструмент у нее должен быть один — таможенная пошлина, взимаемая с ограниченного круга товаров, по отношению к которым мы хотим улучшить конкурентные преимущества наших производителей»

«Если из нашего 140-миллионного населения мы исключаем армию, правоохранительные органы и других госслужащих, а также некоммерческие организации, малый бизнес, работающий по “упрощенке”, банки, останется порядка 80 млн. И около 2% из них работают в “индустрии НДС”! Не слишком ли роскошно для нашей страны, в которой сложная демографическая ситуация, острейший дефицит трудовых ресурсов?»

«Фискальные службы у нас сильно раздуты. Численность налоговых чиновников в США — 114 тыс. человек, в России она превышает 180 тыс. Но, как известно, население США вдвое больше населения России. На каждого чиновника там приходится 1,6—1,7 тыс. налогоплательщиков, и большинство из них так называемые активные налогоплательщики. У нас же примерно 600 зарегистрированных налогоплательщиков, причем при пересчете на число активных налогоплательщиков получается, что на одного налогового чиновника приходится 50—60 налогоплательщиков»

«Вообще, дефицит рабочей силы, полное отсутствие безработицы так же плохи для экономики, как значительная безработица. Если дело так пойдет и дальше, мы нарвемся на серьезный кризис»

обслуживает НДС. Если из нашего 140-миллионного населения мы исключаем армию, правоохранительные органы и других госслужащих, а также некоммерческие организации, малый бизнес, работающий по «упрощенке», банки, останется порядка 80 млн. И около 2% из них работают в «индустрии НДС»! Не слишком ли роскошно для нашей страны, в которой сложная демографическая ситуация, острейший дефицит трудовых ресурсов?

Но самое главное, если мы вернем эти 2% в экономику, то увеличим прибыль на 25—30%! И это только эффект от уменьшения бухгалтерий предприятий, без учета сокращения налоговых и таможенных органов, что его существенно увеличит.

Фискальные службы у нас сильно раздуты. Численность налоговых чиновников в США — 114 тыс. человек, в России она превышает 180 тыс. Но, как известно, население США вдвое больше населения России. На каждого чиновника там приходится 1,6—1,7 тыс. налогоплательщиков, и большинство из них так называемые активные налогоплательщики. У нас же примерно 600 зарегистрированных налогоплательщиков, причем при пересчете на число активных налогоплательщиков получается, что на одного налогового чиновника приходится 50—60 налогоплательщиков.

В компании одного моего коллеги недавно закончилась стандартная налоговая проверка — она длилась шесть месяцев, бригада проверяющих состояла из 54 человек! Кстати, для предприятия такая проверка означает, что численность бухгалтерии нужно увеличить вдвое: необходимо множить документы, отвечать на вопросы...

Налоговые органы вынуждены использовать огромные помещения, здания под архивы бухгалтерских документов длительного хранения; ими постоянно проводятся тендеры по приобретению или аренде таких зданий. Это все активность совершенно вхолостую, она ничего не дает стране.

Отказ от подобного сизифова труда, приход специалистов, занятых им, на рынок труда, как, кстати, и значительной части чиновничества, отвечающего за реализацию госпрограмм в экономике, помог бы нормализовать ситуацию на нем. Ведь ситуация эта просто катастрофическая.

Какие налоги надо повысить

— Что вы имеете в виду?

— Согласно данным Росстата в сентябре средняя зарплата была 13 801 руб., это на 24,7% больше, чем в прошлом году. Год назад, замечу, она тоже выросла примерно на 25%. Темпы роста реальных доходов населения — 13% в год — ведут к баснословному росту цен. Я слышал по радио, что в одном из городов прошла даже демонстрация против роста зарплат и пенсий. Люди отмечали, что их повышение немедленно приводит к еще большему росту цен. Иностранцы, работающие в России, говорят о масштабной инфляции зарплат: сегодня зарплаты у нас в стране в некоторых случаях превышают зарплаты в США и Европе.

К сожалению, такой рост доходов не имеет никакого отношения к производительности труда. Зарплаты увеличиваются из-за дефицита рабочей силы и, как следствие, диктата на нем продавца рабочей силы. Рынок труда сегодня — рынок продавца, а не покупателя. Кстати, потребность в дополнительных рабочих местах в экономике возникает отчасти потому, что не повышается производительность труда — это фактически замкнутый круг.

Вообще, дефицит рабочей силы, полное отсутствие безработицы так же плохи для экономики, как значительная безработица. Если дело так пойдет и дальше, мы нарвемся на серьезный кризис.

Другая очень большая проблема — постоянный рост цен на недвижимость. Решить ее можно, на мой взгляд, только установлением налога на недвижимость, уплачиваемого исходя из ее рыночной цены. Я сейчас учусь летать на вертолете и периодически летаю над районом Новорижского шоссе. Таких замков, как там, нет ни в Германии, ни в Швейцарии, ни во Франции! Сегодня в нашей стране идет массовое строительство замков. Потому что нет эффективной системы сбора налогов с их владельцев — во многом из-за того, что высшая и даже уже средняя каста чиновничества сама принадлежит к их числу.

Но общество не заинтересовано в том, чтобы существовали замки — это излишество. И благодаря налоговой системе мода на них должна закончиться, так же как в США когда-то высоким налогом с литра бензина сделали немодными огромные автомобили с колоссальным расходом бензина.

Выгодно всем

— Но вернемся к замене НДС налогом с продаж. Всем ли отраслям выгодна такая замена?

— Объективно — всем. Однако принятию этого решения противодействуют некоторые экспортеры-сырьевики, получающие возмещение НДС, скажем честно, не всегда соответствующее объему экспорта — в большую сторону.

Кроме того, представители торгово-сервисной сферы, на которую ляжет бремя уплаты НДС, выражают опасения по поводу возможной замены НДС на налог с продаж. Но я не понимаю, почему: налоговый и бухгалтерский документооборот упростится, штаты бухгалтерий уменьшатся, затраты сократятся. А конечная цена, по их мнению, не уменьшится или уменьшится несущественно?

— Как все-таки получается, что 10-процентный НДС по объему поступлений в бюджет будет равен 18-процентному НДС?

— 10% НДС — это расчетное значение, которое, по оценкам Экспертного управления президента, обеспечит поступление средств в бюджет в том же объеме, что и раньше НДС. Казалось бы, парадокс, ведь ставка сократится на целых 8% и налог будет собираться только в одном — торгово-сервисном секторе, при продаже товаров и оказании услуг конечному потребителю. Объяснение простое: администрирование НДС элементарно. Оборот торговых сетей прозрачен; с автомобилями и квартирами его не составляет проблем взимать — при их регистрации; с алкоголя и табака тоже, благодаря тотальному контролю за этими товарами с помощью акцизных марок и ЕГАИС; торговля бензином жестко контролируется. В сборе налога с услуг ЖКХ, учитывая, что большинство предприятий жилищно-коммунального хозяйства муниципальные, также не вижу трудностей.

Во-первых, отмена НДС приведет к существенному увеличению поступлений от других налогов и вернет в экономику более 1,5 млн человек, а во-вторых, я считаю, что ставка НДС, как и ставки других налогов, могут быть снижены. Уменьшение поступления в казну, сохранение большего количества средств на предприятиях принесет экономике только пользу.

Деньги люди и компании все равно берут на кредитном рынке. Как и раньше, они будут расходоваться прежде всего на развитие, а значит будут порождать инвестиционный спрос, то есть увеличение платежеспособного спроса на потребительском рынке не произойдет. Предприятия не заинтересованы увеличивать объемы выплачиваемых зарплат, так как они уже сейчас страдают от колоссальной инфляции зарплат, их постоянного повышения из-за дефицита рабочей силы без соответствующего повышения производительности труда. Для них гораздо важнее сейчас приобретать максимально «безлюдные» технологические системы, дающие необходимую производительность труда.

— То есть получение дополнительных финансовых ресурсов предприятиями не скажется на инфляции?

— Я думаю, она уменьшится. Потому что существенно сократятся затраты предприятий, которые способствуют повышению цены со стороны предложения.

Итак, денег в бюджете, Стабфонде, золотовалютных резервах ЦБ полно, таких гигантских сумм не было за всю историю страны, они поступают по большому количеству каналов. Сейчас не начало 90-х, когда мы не могли собрать деньги на национальную оборону, финансирование правоохранительных органов и посольств.

Для нас сегодня гораздо важнее то, как тот или иной налог влияет на экономическую и социальную ситуацию.

На грани нового кризиса

— То есть важна смена парадигмы налоговой политики?

— Совершенно верно. Нужно решать те экономические проблемы, которые существуют сегодня, гибко используя различные экономические, в том числе налоговые, инструменты.

Проблем в российской экономике накопилось колоссальное количество — это и нерешенные старые, и уже совсем новые, которые сформировались в последние годы из-за инерционной, неадекватной экономической политики.

Вопреки победным реляциям экономических министерств, их прогнозам скорого попадания России в пятерку стран с самым большим ВВП положение в нашей экономике далеко не блестящее. Темпы роста имеют тенденцию к снижению; инфляция, как все мы видим, увеличивается, и сдержать ее не удается. Причины ее — с одной стороны, рост зарплат, различных социальных выплат, осуществляемых государством, и кредитования населения; с другой стороны, увеличение издержек предприятий из-за роста зарплат и выплат по кредитам для компаний. Рост задолженности компаний перед банками сегодня гигантский: предприятиям нужно развиваться, а государство изымает у них с помощью налогов огромное количество средств. В значительной степени это долг перед иностранными банками.

По данным Центрального банка РФ, внешний долг России за первое полугодие 2007 года вырос на 24%, достигнув \$385 млрд. Да, задолженность органов государственного управления (федеральных и региональных) уменьшилась на 8,7%, но долг компаний имеет тенденцию к росту. В корпоративном внешнем долге \$131 млрд приходится на коммерческие банки, прямая задолженность прочих секторов экономики нерезидентам составила \$212 млрд (она повысилась на 32,6%). В то же время понятно, что банковская задолженность связана с задолженностью предприятий банкам, а у банков есть и собственные ресурсы, хотя их и недостаточно — они очень много берут займы у иностранных банков.

Эти долги придется отдавать, и с высокими процентами. То есть мы опять, не мытьем так катаньем, попали в кабалу к иностранным кредиторам.

А между тем финансовые власти продолжают политику изъятия денег, стерилизации.

«По данным Центрального банка РФ, внешний долг России за первое полугодие 2007 года вырос на 24%, достигнув \$385 млрд. Да, задолженность органов государственного управления (федеральных и региональных) уменьшилась на 8,7%, но долг компаний имеет тенденцию к росту. Эти долги придется отдавать, и с высокими процентами. То есть мы опять, не мытьем так катаньем, попали в кабалу к иностранным кредиторам»

«В последние годы мы наблюдаем в экономической политике причудливую смесь идеологий “младореформаторов” и коммунистического реванша. Жесткая по отношению к предприятиям финансовая политика, “бюджет военного времени”, сочетается с колоссальными объемами прямого государственного финансового вмешательства в экономику»

«Для реализации всех этих программ причудливая вязь странных государственных структур, придуманных на коленке, совершенно непродуманных, растет с каждым годом. С 2004 по 2006 год число чиновников на километр дорог с твердым покрытием увеличилось в нашей стране с трех до четырех человек!»

«Аргументы при этом выдвигаются, на мой взгляд, неверные. Один из них состоит в том, что из 100 стран, которые ввели у себя НДС, ни одна его не отменила. Но НДС относительно молодой налог, так что еще не вечер. К тому же мало кто из этих государств решает задачу возвращения себе ведущих позиций в мировой экономике, да еще за счет высокотехнологичных отраслей. И у кого из них такой огромный бюджет и столь большая сырьевая экспортная составляющая?»

Причем так стараются, что даже подрывают капитализацию собственных банков. Недавно Центробанк был вынужден снизить ставку рефинансирования, потому что выяснилось, что сохранение прежней при существующем уровне изъятия денег из экономики привело к ухудшению показателей ликвидности кредитной системы.

Однако при этом государство и не думает о системных изменениях, замене существующей налоговой политики. Первую причину я назвал: что мы будем делать, если цены на нефть упадут? Вторая причина: а как мы будем финансировать национальные проекты и другие госпрограммы?

В последние годы мы наблюдаем в экономической политике причудливую смесь идеологий «младореформаторов» и коммунистического рванца. Жесткая по отношению к предприятиям финансовая политика, «бюджет военного времени», сочетается с колоссальными объемами прямого государственного финансового вмешательства в экономику.

Национальные проекты, реализуемые уже второй год — очень важный инструмент повышения базового уровня жизни граждан. Но зачастую они реализуются совершенно негодными средствами. «Дармовое» госфинансирование, дешевые кредиты не способствуют повышению эффективности, поскольку развивают иждивенческие настроения.

— **Государство же все профинансирует!**

— Вот именно. Я утверждаю, что ни одна организация не в состоянии выполнить все то, что она обязана, выиграв финансирование по национальному проекту. А это значит, что финансирование становится основой для коррупции и мошенничества.

При этом действительно системных решений нет — ситуация, например, в медицинской, образовательной сферах мало улучшается. И в то же время мы стоим на грани того, что практически все взрослое население России получит высшее образование. Зачем это стране?! Во-первых, это псевдообразование. Во-вторых, где же брать кадры по рабочим специальностям? И как учесть то обстоятельство, что в силу колоссального дефицита занятых в общественном производстве экономика нуждается в том, чтобы люди быстрее вовлекались в него?

Вспомните, сколько нареканий вызывает государственная компьютеризация школ. И для меня совершенно очевидно, что реальная компьютеризация идет рыночными методами: значительная часть компьютеров поставлена в школы не за счет средств национального проекта, региональных и местных властей, а за счет родителей и коммерческих спонсоров. Со всеми остальными проектами возникают аналогичные трудности.

Для реализации всех этих программ причудливая вязь странных государственных структур, придуманных на коленке, совершенно непродуманных, растет с каждым годом. С 2004 по 2006 год число чиновников на километр дорог

с твердым покрытием увеличилось в нашей стране с трех до четырех человек!

У меня от действий части наших государственных руководителей складывается такое впечатление, что мы сегодня «без объявления войны», тихой сапой пытаемся создать у себя китайскую модель госкапитализма. Но, во-первых, в КНР не разрушали социалистическую систему управления народным хозяйством — там соответствующие структуры как работали, так и работают. А во-вторых, китайская экономическая модель — это модель государственного монополизма. В КНР основным собственником крупнейших компаний является государство. Вокруг них создается условно рыночная среда, привлекаются западные инвесторы, технологии, но это не отменяет решающей роли государства. Кстати, монополистическая экономика в такой ситуации, как показывает китайский и сингапурский опыт, очень неплохо работает. В-третьих, там никто не отменял отнюдь не демократические репрессивные механизмы.

Китайская модель действительно привлекательна, хотя далеко не все в мире в восторге от нее. Но, во-первых, реализовывать ее нужно все-таки после общественной дискуссии, а во-вторых, она потребует частичного воссоздания советской системы, отлаживания ее механизмов, на что уйдут долгие годы. Не очень понятно, какой в этом смысл, если существует более простой путь: оставлять максимум денег в компаниях, проводить гибкую налоговую и промышленную политику.

Думать не по-китайски

— **Насколько я знаю, значительная часть экономистов не согласна с отменой НДС...**

— Да, и аргументы при этом выдвигаются, на мой взгляд, неверные. Один из них состоит в том, что из 100 стран, которые ввели у себя НДС, ни одна его не отменила. Но НДС относительно молодой налог, так что еще не вечер. К тому же мало кто из этих государств решает задачу возвращения себе ведущих позиций в мировой экономике, да еще за счет высокотехнологичных отраслей. И у кого из них такой огромный бюджет и столь большая сырьевая экспортная составляющая?

Мы никак не научимся обращаться со своей страной как разумные, взрослые люди — пытаемся под копирку снять то европейскую модель, то китайскую... Конечно, нужно перенимать опыт, заимствовать инструменты, которые показали свою эффективность в аналогичных условиях для решения аналогичных проблем. Но не стоит забывать и об уникальности нашей ситуации.

Необходимо принимать решения сообразно экономической ситуации и целям развития своей страны. Именно так нам надо начать действовать, пока мы не сорвались в спад производства и не развалили в третий раз экономику, которая уже дважды — в 1991 и 1998 годах — перенесла тяжелейший кризис.⁵